

Вырезка из газеты
**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
РАБОЧИЙ**

г. Ленинград

11 июля 1963

Наши современники владеют многими профессиями. Одни из них нам хорошо знакомы, но есть и такие, о которых знают меньше, потому что они редкие. О них и расскажем читателям «ЛР» наши публикации под новой рубрикой «ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ».

АКТЕР МИМАНСА

ПО ЛЕСТНИЦЕ спускался рослый стрелец: алый кафтан, лихо заломленный колпак с меховой опушкой, ладонь сжимает рукоять кривой сабли... За грозным воином важно шествовал боярин в крытой парчой шубе и строго надвинутой на лохматые брови высокой горлатной шапке. Чего только не увидишь за кулисами. Вот, например, театральный буфет. В одной очереди стоят монахи в черных клобуках и расфранченные кавалеры, крестьяне в лаптях и рыцари в блестящих латах. Лестницы, коридоры, переходы выводят наконец к дверям с табличкой «Цех — миманса» — цели моего сегодняшнего визита. В небольшой комнате сидит за письменным столом среднего роста худощавый мужчина. О том, что ему за 70, догадаться просто невозможно — строен, подвижен, легок в движениях. Это Николай Васильевич Завьялов, начальник цеха миманса Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

В опере «Борис Годунов» действуют семьдесят актеров миманса — мужчин и женщин. Ну и что, спросите вы, подумаешь, какая сложная задача — ходить или стоять на сцене.

— Как сказать, — смеется Николай Васильевич. — В опере, конечно, главное — музыка, солисты, хор. Но представьте себе огромную сцену нашего театра в первом акте, когда выливаются, скажем, на царство Бориса, без толпы народа, стрельцов. Впечатление уже не то, нет исторической достоверности. В опере «Дон-Кихот», например, участвуют более 130 актеров миманса. Кстати, им нужно не просто ходить или стоять, а выполнять свою задачу, требующую определенной актерской подготовки. Та же толпа в «Борисе» и «Бахчисарайском фонтане» ведет себя по-разному. Согласитесь, важный боярин глядит и ступает совсем иначе, чем польский кавалер на балу.

Действительно, о мимансе зритель не думает, по себе знаешь это. Но после знакомства с начальником цеха смотришь на сцену по-другому, мысленно убираешь миманса, и точно — впечатление уже не то. Трудно представить себе Лжедмитрия в сцене под Кромами без сопровождающих латников, без «безмолствующего» народа...

Николай Васильевич Завьялов в театре давным-давно не новичок. С 1938

года он артист балета и уходил отсюда только на действительную службу да на фронт в 1941 году. Воевал, правда, недолго — отозвали в Пермь, куда в ту пору был эвакуирован театр. Трудное время было. Голодно, не хватало костюмов, декораций, спектакли и концерты давались подчас без антрактов. Играли в госпиталях: врачи утверждали — после этих выступлений лечение проходило более успешно. Так что недаром в числе других артистов Маринини медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» была вручена и Н. В. Завьялову.

Но беда подстерегала его уже после Великой Победы: серьезная травма обеих ног положила конец сценической деятельности артиста. Конечно, работать-то он мог, но только не в балете. Но Николай Васильевич не бросил родной театр и вот уже скоро сорок лет возглавляет мимический ансамбль Кировского.

— Отлично знает условия сценической площадки, в деталях изучил все спектакли репертуара, их режиссерский замысел и рисунок мизансцен. Это помогает ему безошибочно давать задания и ежедневно вводить в спектакли десятки участников разового миманса, часто впервые участвующих в операх и балетах, — так отзывался о Завьялове директор театра М. Э. Крастин.

В год, когда отмечалось 200-летие театра, в числе других был удостоен высокой награды — ордена «Знак Почета» — и Николай Васильевич.

Медленно гаснет свет в зрительном зале. Взмах дирижерской палочки, и торжественные звуки увертюры плывут над рядами кресел. Пошел занавес. Тщательно искать на сцене Николая Васильевича, но без его незаметной работы немислим спектакль. Вспомните о нем после того хотя бы, когда возбужденные и радостные выйдете на Театральную площадь. Отдайте дань благодарности человеку, до конца преданному искусству, в котором, как известно, мелочей не бывает.

С. ЧАПЛИН